

УДК 321.8; 327.7

Людмила БАБЫНИНА

ДЕЕВРОПЕИЗАЦИЯ ИЛИ ДЕМОНТАЖ: КАК БУДУТ СТРОИТЬСЯ ОТНОШЕНИЯ ЕС И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Статья поступила в редакцию 10.03.2020

Аннотация. 31 января 2020 г. Соединённое Королевство перестало быть членом Европейского союза. До конца года, пока действует переходный период, стороны должны заключить соглашение о будущем формате отношений. Реалистичность такого сценария сомнительна из-за очень короткого времени, предусмотренного для подготовки документа такого уровня, и серьёзных расхождений в позициях сторон. Правительство Бориса Джонсона решительно настроено завершить формальное членство в Едином внутреннем рынке и Таможенном союзе ЕС к 1 января 2021 г. и прекратить действие законодательства ЕС на территории страны. В зависимости от глубины будущих преобразований, данный процесс можно охарактеризовать как деевропеизацию или демонтаж существующей системы. Автор статьи приходит к выводу, что, принимая неизбежность деевропеизации после брекзита, стороны заинтересованы в её различных формах. Ограниченный и постепенный процесс деевропеизации с сохранением регуляторного выравнивания отвечает интересам Евросоюза, в то время как консервативное правительство Великобритании настроено на более радикальный отказ от правил и норм Союза.

Ключевые слова: Европейский союз, Соединённое Королевство, брекзит, европеизация, деевропеизация, торговое соглашение.

Понятие деевропеизации

Деевропеизация – процесс обратный европеизации. Для анализа этих феноменов необходимо понимать их сущность, направления и формы.

Понятие европеизации имеет множество определений и векторов приложения. Согласно классическому определению Радаелли, европеизация обозначает процессы конструирования, распространения и институционализации формальных и неформальных правил, процедур, политических парадигм, стилей, “способов ведения дел” и общих представлений и норм, которые, будучи изначально определены и закреплены в общей политике ЕС, затем инкорпорируются в логику внутреннего (национального и субнационального) дискурса, политических структур и государственной политики [Radaelli, 2004]. Таким образом, изначально исследования процессов европеизации в основном были сосредоточены на изменении внутренних

© **Бабынина Людмила Олеговна** – к.полит.н., руководитель Центра политической интеграции, в.н.с. Института Европы РАН. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, Моховая ул., д. 11-3. **E-mail:** lbabynina@yandex.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320200515>

структур государств-членов под влиянием интеграционных процессов. В этой связи уместно напомнить, что исследователи выделяют жёсткую и мягкую европеизацию [Radaelli, 2003; Mair, 2004], а изменения, происходящие в государствах-членах, становятся результатом совместного воздействия обоих методов. Жёсткая европеизация проявляется в разработке правил, норм и процедур наднациональными институтами и последующее принятие их странами ЕС, в частности, через имплементацию права ЕС в национальные законодательные системы государств-членов. Мягкая европеизация подразумевает принятие стиля поведения, ценностей, возможность доверять и сотрудничать с партнёрами по Европейскому союзу, в том числе через метод открытой координации [Кавешников, 2015; Copeland, 2016; Cygan, 2020], сравнение и заимствование удачных практик.

Очевидно, что влияние процессов европеизации на государства-члены неодинаково и зависит не только от области политики и степени её коммунитаризованности, но желания и возможностей страны следовать предлагаемым правилам. Долгое время вопросы, связанные с сопротивлением или определенным откатом к прежним национальным нормам и практикам от общей политики ЕС, были частью аналитических дебатов о европеизации [Börzel, 2002]. В последние годы реакцией на многовекторность интеграционных процессов и череду кризисов, сопровождавшихся усилением позиций национальных государств в Евросоюзе стали работы, посвящённые процессам деевропеизации, “размежевания”, реверсивного движения¹ и даже демонтажу общего интеграционного процесса. Однако, очевидно, что перечисленные процессы могут иметь место только в том случае, если им предшествовало установление определенной степени европеизации [Copeland, 2016].

Хотя термин деевропеизация ввели в оборот относительно недавно, было бы неверным связывать его исключительно с брекзитом. Необходимо также отметить, что у него пока нет устоявшегося определения. В зависимости от сферы исследований авторы вкладывают в данный термин различный смысл. Так, Раагмаа и его соавторы, рассуждая о взаимодействии Эстонии и Европейского социального фонда, определяли этот процесс как отстаивание истеблишментом национальных интересов, которые не согласуются с приоритетами ЕС [Raagmaa et al, 2014]. Айдын-Дюзгит и Калибер, исследуя изменения в отношениях ЕС и Турции после 2010 г., понимают деевропеизацию в широком смысле как утрату или ослабление со стороны ЕС (Европы) нормативного и политического влияния и снижение его (ее) статуса как ориентира во внутренних установках и национальных публичных дебатах. Деевропеизация в этом случае не просто означает отсутствие европеизации, но также ведёт к отходу от европейских правил во многих сферах политики и общественной деятельности в Турции, в том числе, когда преобразования обращаются вспять, или если ЕС намеренно не рассматривается в качестве примера для реформ. Таким образом, авторы статьи определяют “деевропеизацию” как дистанцирование общества и политики Турции от европейской системы норм, ценностей и политических ожиданий [Aydın-Düzgüt & Kaliber, 2016].

Коуплэнд, исследуя процессы европеизации и деевропеизации британской политики в сфере занятости, определяет деевропеизацию как “отмену программных,

¹ Голофаст А.В. Прогресс и реверс: экстремумы европейской интеграции. РСМД, январь 2017. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/sandbox/32549/?sphrase_id=36305594

процедурных и/или когнитивных сдвигов, которые произошли ранее, ... с конкретной целью повернуть вспять процесс европеизации” и предотвратить возврат к нему. Кроме того, он проводит разграничение между “размежеванием” (disengagement) и деевропеизацией. Первый процесс может привести к деевропеизации в государствах-членах, но это не происходит автоматически. Деевропеизация представляет собой процесс “размежевания” в сочетании с осознанным решением отменить последствия европеизации. В отличие от этого, “размежевание” государства-члена и институтов ЕС отражает снижение интенсивности контактов, при этом структуры и процессы, которые были созданы и введены в рамках европеизации, остаются более или менее нетронутыми [Copeland, 2016]. Обращаясь к сегодняшним реалиям Евросоюза, “размежеванием” можно назвать внутривнутриполитические процессы, происходящие в Венгрии и Польше, и реакцию на них институтов Евросоюза, а брекзит, безусловно, попадает под понятие деевропеизации.

В данной работе под деевропеизацией понимается сознательный процесс отказа от норм и правил, формальных и неформальных, а также законодательства ЕС для возвращения на национальный уровень полномочий, ранее переданных наднациональным институтам [Бабынина, 2017], и/или изменение в целом положительного восприятия достижений Евросоюза у значительной части политической элиты и в общественном сознании. Можно выделить две формы деевропеизации – жёсткую, как отказ от правовых норм и стандартов ЕС, и мягкую в виде политического отхода от целей, ценностей и отдельных достижений Евросоюза. Реализация мягких форм деевропеизации со стороны правящих кругов ведёт к повышению активности евроскептически настроенной части общества, что в свою очередь может дать основания властям перейти к мерам жёсткой деевропеизации. Процесс деевропеизации может включать в себя изменение организационных структур государства, которые были созданы или изменены под влиянием Европейского союза. Подобный реверс может предусматривать полный роспуск структур или их реформирование от созданного по правилам ЕС до необходимого государству. Структурные изменения с течением времени могут привести к трансформации общественного мнения в пользу национальных правительственных приоритетов. Однако здесь нужно иметь в виду, что правительство, выбравшее такой путь, возьмет на себя всю ответственность за будущие преобразования, поскольку не сможет разделять её с наднациональными институтами. Фактически государство-член, участвующее в деевропеизации, деконструирует предыдущие изменения, достигнутые в процессе европеизации.

Понятие демонтажа политики ЕС на внутринациональном уровне также имеет несколько трактовок. Часто деевропеизацию и демонтаж, по существу, понимают одинаково как “сокращение, ослабление или устранение существующей политики” Евросоюза на национальном уровне [Jordan et al., 2013]. Во избежание путаницы понятий в данной работе демонтаж будет трактоваться как полный отказ от правил ЕС и ликвидацию произведённых в период членства в нем преобразований.

Процессы европеизации и деевропеизации в Соединённом Королевстве

Соединённое Королевство было уникальным государством-членом Сообщества и Союза, которое, во-первых, единственное вышло из его состава, а во-вторых, даже будучи полноценным участником объединения, всегда имело особую позицию

по многим вопросам, не участвовало в ряде общих проектов и выступало за отличный от мейнстрима вектор развития ЕС. Тем не менее страна не избежала влияния европеизации, в первую очередь, инкорпорировав значительный объём права ЕС и встроившись в систему институтов Союза. За 47 лет членства в Евросоюзе в значительной степени европеизировалось и общественное мнение жителей островного государства, в особенности та его часть, которая получала от него очевидные выгоды. Более того, ряд экспертов утверждают, что несмотря на разницу в государственно-правовом устройстве Соединённого Королевства и организации самого Союза [Schmidt, 2020], членство в ЕС способствовало конституционной модернизации Британии, в том числе через процессы деволюции, проведение общеевропейских выборов по пропорциональной системе, реформы Палаты лордов и другие преобразования [Bickerton, 2019]. В целом, эксперты оценивают уровень европеизации системы управления Соединённого Королевства как высокий или, по крайней мере, существенный [Armstrong, 2018; Cygan, 2020].

Необходимо также отметить, что Великобритания активно лоббировала свои интересы на наднациональном уровне, добиваясь их закрепления в основополагающих договорах или во вторичном праве ЕС, реализуя таким образом возможности европеизации “снизу” [Börzel, 2002]. Из политически важных решений Европейскому союзу в наследство от британского членства осталось право вето в рамках налоговой политики и формальное отсутствие поста министра иностранных дел в Лиссабонском договоре. Кроме того, заслугой Лондона можно считать продвижение плана создания Единого внутреннего рынка (ЕВР) ЕС в середине 80-х гг. XX века¹ и развитие военного сотрудничества после договора Сан-Мало 1998 г.

Следует отметить, что процессы деевропеизации в Соединённом Королевстве начались задолго до выхода страны из ЕС и не всегда были непосредственно связаны с ним.

Будучи одним из инициаторов создания ЕВР и извлекая из него выгоду, в определённый период Лондон начал выступать за ограничение одной из четырёх свобод – свободы передвижения рабочей силы. В 2004 г. при лейбористском правительстве Тони Блэра Великобритания стала одной из трёх стран, сразу допустивших на свой рынок труда граждан из десяти новых государств-членов. Сформировав коалиционное правительство в 2010 г., новый премьер-министр Дэвид Кэмерон активно продвигал на наднациональном уровне идеи ограничения свободы передвижения трудящихся, что было связано с окончанием в 2014 г. страховочного периода доступа на рынки труда ЕС-15 для граждан Болгарии и Румынии. Правительство Кэмерона выступало за сокращение социальных выплат и льгот вновь прибывающим гражданам из стран Восточной Европы². На определённом этапе Британия смогла заручиться поддержкой Нидерландов и Германии, однако это не привело к изменениям законодательства на уровне ЕС, поскольку резко против подобных инициатив

¹ В первой Комиссии Жака Делора (1985–1988 гг.) заместителем председателя, отвечавшим за внутренний рынок, налогообложение и таможенный союз был барон Артур Кокфилд, которого в англоязычной литературе называют отцом Единого внутреннего рынка ЕС. См., например, Grin G. Battle Of Single European Market. Routledge, 2018.

² Подробнее см. Потемкина О.Ю. Пространство свободы, безопасности и правосудия. Европейский союз: факты и комментарии. Выпуски 75–79. URL: <http://www.edc-aes.ru/ru/union/archive>

выступила Еврокомиссия. С другой стороны, политизация в Великобритании вопроса о свободе передвижения впоследствии стала одной из причин брекзита. Таким образом, в начале 2000-х гг. в Соединённом Королевстве при реализации свободы передвижения в рамках ЕВР проявился эффект европеизации, однако позже, при смене правительства, произошёл откат от этих установок (изначально на уровне политического дискурса).

Похожие процессы наблюдались и в отношении политики в сфере занятости. Придя к власти в 1997 г., лейбористы отказались от действовавших ранее исключений и присоединились к Социальной хартии ЕС. После этого в национальное право Великобритании были инкорпорированы нормы, принятые ранее в рамках Социального протокола¹. Весь период правления лейбористские правительства Тони Блэра и Гордона Брауна активно сотрудничали с партнёрами по Евросоюзу в рамках Европейской стратегии занятости (ЕСЗ), перенимая удачные практики для поддержки внутренних реформ. Напротив, коалиционное правительство Дэвида Кэмерона в 2010–2015 гг. постаралось максимально дистанцироваться от рекомендаций ЕС в рамках ЕСЗ и даже оспаривало компетенции ЕС в сфере занятости. Коуплэнд утверждает, что политика лейбористских кабинетов привела к эффекту европеизации в сфере занятости через определённые процедурные и когнитивные сдвиги. В то время как отказ коалиционного правительства Кэмерона от сотрудничества в рамках ЕСЗ соответствовал намеренному откату от проведенных ранее реформ, что означало процесс деевропеизации [Copeland, 2016].

Взаимодействие в сфере юстиции и внутренних дел всегда представляло значительный интерес для Соединённого Королевства. Однако постепенный переход данной области сотрудничества на коммунитарный метод принятия решений [Потемкина, 2011] заставил Британию добиться особого статуса, в рамках которого она сама выбирала проекты, к которым хотела присоединиться. Уровень европеизации Британии в различных сферах пространства свободы, безопасности и правосудия (ПСБП) различался, но, в целом, оставался невысоким [Бабынина, 2015]. Лиссабонский договор перевёл все сотрудничество ПСБП в рамки стандартной процедуры принятия решений, но до декабря 2014 г. действовал переходный период, который ограничивал юрисдикцию Суда ЕС в отношении тех законов, которые были приняты в рамках бывшей «третьей опоры». Лондон получил возможность выбрать², в каких из 130 законодательных актов он продолжит участвовать, а из каких выйдет. В итоге правительство Кэмерона решило оставить в действии только 35 законов. Справедливости ради нужно отметить, что в рамках ПСБП и лейбористские кабинеты Блэра и Брауна после 2004 г. не всегда присоединялись к обновляемым законам ЕС, которые уже были инкорпорированы в национальное право. Сознательная отмена на своей территории ранее принятого законодательства Евросоюза, выход из-под юрисдикции Суда ЕС и сокращение объёма взаимодействия с другими институтами Союза и государствами-членами представляет собой очевидный процесс деевропеизации.

¹ Official Journal of the European Communities L 10, 1998, p. 22–25.

² Consolidated version of the Treaty on European Union. Protocol (No 36) on transitional provisions. Official Journal C 202, 7.6.2016, p. 321–326.

Приведённые примеры позволяют выделить закономерность, связывающую процессы европеизации и деевропеизации в Великобритании с нахождением у власти той или иной партии. Очевидно, что желание лейбористов “вернуть Британию в Европу” способствовало продвижению европеизации, причём, как через принятие нового законодательства ЕС, так и через попытку переломить евроскептические настроения в обществе. Если методы жёсткой европеизации имели положительный эффект в Британии, то успехи мягких методов, как показали будущие события, были ограниченными. Напротив, придя к власти, консерваторы-евроскептики, даже несмотря на их коалицию с проевропейскими либеральными демократами, проводили политику сознательного отката от достижений лейбористской европеизации. Причём, данный процесс выражался как в форме отказа от ранее принятого законодательства ЕС (жёсткая деевропеизация), так и в критике институтов и программ ЕС, что в итоге привело к росту евроскептических настроений в обществе.

Брекзит представляет собой крайний пример деевропеизации из всех возможных [Burns et al, 2019], но остаётся открытым вопрос о её глубине. При выходе государства из состава Союза в любом случае должен произойти отказ от части права ЕС и изменение восприятия объединения как ценностного и законодательного ориентира. Однако, в зависимости от желания и возможности сторон сохранить взаимный доступ на рынки друг друга, определить уровень экономического и политического взаимодействия, поддерживать связи в сфере внутренней и внешней безопасности, а также политической целесообразности, глубина деевропеизации может колебаться от минимальной до полного демонтажа.

Будущий формат отношений: позиции сторон

В конце февраля британское правительство и Совет ЕС представили документы, в которых были сформулированы предложения и подходы к оформлению будущих отношений. Обе стороны ссылаются на Политическую декларацию, подписанную в октябре 2019 г. как на базу для дальнейших переговоров, однако трактовки её положений, как и видение будущего формата отношений, сильно разнятся. Деевропеизация в результате брексита в любом случае неизбежна, но её глубину стороны понимают по-разному.

Британский подход состоит в том, что будущие отношения должны строиться на равноправной основе и правовой автономии. Правительство Бориса Джонсона исключает любую возможность взять на себя обязательства по приведению законов Королевства в соответствие с правом ЕС и отказывается признавать юрисдикцию институтов Евросоюза, в том числе Суда ЕС¹. По мнению британского правительства, стороны должны заключить целый ряд международных равноправных договоров. Центральным из них должно стать всеобъемлющее соглашение о свободной торговле (CFTA), дополненное рядом других двусторонних соглашений в таких сферах, как рыболовство, авиация, правоохранительное и судебное сотрудничество в уголовных вопросах, атомная энергетика и некоторых других. Все соглашения

¹ HM Government. The Future Relationship with the EU | The UK's Approach to Negotiations. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/868874/The_Future_Relationship_with_the_EU.pdf

должны иметь отдельные механизмы управления и урегулирования споров, исключая юрисдикцию Суда ЕС.

Торговое соглашение предполагает нулевые квоты и отсутствие тарифов во взаимной торговле сельскохозяйственными и промышленными товарами. В него должна быть включена сфера услуг, в том числе финансовых, но исключен принцип признания эквивалентности, который обычно применяет Европейский союз для допуска на свой рынок финансовых компаний из третьих стран. Британское правительство хотело бы устранить любые барьеры в торговле сельскохозяйственной продукцией, но собирается придерживаться собственных правил санитарного, ветеринарного и фитосанитарного контроля, не согласовывая их со стандартами ЕС. Борис Джонсон отметил¹, что Великобритания имеет высокие стандарты в отношении защиты жизни и здоровья человека, животных и растений, а также окружающей среды и не собирается их понижать, поэтому их сопряжение со стандартами ЕС в договоре необязательно.

Отдельное соглашение Лондон хочет заключить в сфере рыболовства. Консерваторы намерены отказаться от существующего в настоящее время режима свободного доступа судов из стран ЕС в воды, принадлежащие Соединённому Королевству. Определять возможности такого доступа Британия хочет ежегодно, как и объёмы вылова рыбы.

Среди других соглашений важное место отводится сотрудничеству правоохранительных и судебных органов в уголовных вопросах. Соединённое Королевство хотело бы сохранить доступ к Шенгенской информационной системе и полицейским базам данных ЕС на тех же условиях, какие имеют страны Шенгена, не входящие в ЕС². В то же время Лондон не намерен больше участвовать в Европейском ордере на арест, но хотел бы его заменить соглашением об экстрадиции, по аналогии с теми, что существуют сейчас у Норвегии и Исландии. Будет остановлено британское членство в агентствах Европол и Евроюст, но предполагается продолжить сотрудничество с этими органами на правах третьей страны. Важно, что соглашение в данной сфере не должно ограничивать автономность правовой системы Великобритании, а доступ к базам данных не должен контролироваться Судом ЕС.

Таким образом, позиция консервативного правительства предполагает не просто отмену части законодательства ЕС и понижение уровня политических и институциональных отношений с объединением, но практически полный отход от норм, правил и стандартов ЕС, а главное – исключение какого-либо влияния институтов Евросоюза, и в первую очередь Суда ЕС, на правовую и социально-экономическую систему британского государства.

Позиция Европейского союза представлена Советом ЕС по общим вопросам³, который утвердил мандат Комиссии на переговоры. Согласно представленному

¹ PM speech in Greenwich: 3 February 2020. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-in-greenwich-3-february-2020>

² Необходимо отметить, что страны, входящие в Шенгенскую зону, но не входящие в состав ЕС, инкорпорировали всё законодательство Союза в данной сфере в своё национальное право и признают в этой части юрисдикцию Суда ЕС.

³ General Secretariat of the Council. ANNEX to COUNCIL DECISION authorising the opening of negotiations with the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland for a new partner-

документу, Брюссель предполагает заключить общее соглашение, которое будет включать несколько направлений (опор) взаимодействия.

Первая касается торгового сотрудничества, в котором должны отсутствовать квоты и тарифы на взаимную торговлю товарами. При этом необходимо соблюдать существующие правила страны происхождения, т.е. минимум 45% стоимости товара должно быть произведено на территории страны-производителя. ЕС считает, что стороны обязаны взаимодействовать в сфере борьбы с таможенным мошенничеством, для чего Британия должна сотрудничать с европейским агентством OLAF. Торговля услугами не войдёт в соглашение о свободной торговле и будет осуществляться в рамках правил ВТО. Доступ финансовых компаний из Соединённого Королевства на рынок ЕС возможен в отдельных случаях, если Комиссия признаёт британское пруденциальное регулирование эквивалентным действующему в ЕС, такие решения должны остаться в односторонней юрисдикции Евросоюза, как и надзорные функции в данной сфере.

ЕС предполагает включить в общее соглашение и другие области сотрудничества, в их числе – рыболовство, транспортное сообщение, цифровая сфера, мобильность, защита интеллектуальной собственности и некоторые другие направления. Регулирование рыболовства должно осуществляться на основе принципа взаимного доступа в территориальные воды сторон. Евросоюз хотел бы сохранить для своих рыбаков возможность ловить рыбу в привычных для них акваториях и предлагает определять стабильные долгосрочные квоты, которые могут быть скорректированы только с согласия обеих сторон.

Во вторую опору соглашения ЕС предлагает включить вопросы, относящиеся к сфере внутренней и внешней безопасности, борьбе с терроризмом, формату доступа Великобритании к полицейским базам Евросоюза и Шенгенской информационной системе, а также механизму, замещающему в Великобритании Европейский ордер на арест. Третья часть документа, по замыслу ЕС, будет регулировать его реализацию. Здесь значительная роль отводится Суду ЕС, который должен следить за соблюдением правил честной конкуренции. Большое внимание Евросоюз уделяет поддержанию “равных правил игры для всех” и с этой целью он хочет обязать Британию соблюдать существующие нормы в сфере экологических и социальных стандартов, занятости, конкуренции, государственной помощи и налогообложения. В общем соглашении должен быть предусмотрен механизм урегулирования споров, а Евросоюз рассчитывает оставить за собой право в одностороннем порядке приостанавливать действие соглашения, если Великобритания будет менять правила так, что её экспортёры получат несправедливое конкурентное преимущество перед производителями из ЕС.

В целом, Европейский союз предлагает сохранить не только значительную часть своих правил в британском законодательстве, но и оставить за собой право оценивать изменения британских норм и стандартов в будущем, то есть сохранить определённую юрисдикцию институтов Союза, в том числе Суда ЕС, в отношении Соединённого Королевства, которое будет считаться при этом третьей страной.

---

ship agreement. Brussels, 25 February 2020. URL:

<https://www.consilium.europa.eu/media/42736/st05870-ad01re03-en20.pdf>

Современная Европа, 2020, №3

По вопросу продления переходного периода мнения также расходятся. Официальные лица в ЕС полагают, что это дало бы возможность согласовать “хорошую сделку”. Британское правительство, в свою очередь, не намерено продлевать переходный период, предусмотренный в Соглашении о выходе из ЕС¹. На практике, если соглашение о свободной торговле заключить не удастся, то в силе останется Соглашение о выходе Соединённого Королевства из ЕС, а торговые отношения будут строиться по правилам ВТО. Нежелание правительства Бориса Джонсона продлевать транзитный период, с одной стороны, выглядит нерациональным упрямством евроскептиков, но с другой – продление транзитного периода автоматически означает продолжение отчислений Британией взносов в бюджет Евросоюза, что в настоящий момент, помимо политических мотивов, нежелательно для консерваторов ещё и потому, что новый бюджет ЕС во многом должен быть направлен на ликвидацию последствий коронавируса.

Существуют принципиальные разногласия в отношении самого стиля будущей договорённости. Соглашение о свободной торговле (СЕТА) между ЕС и Канадой, которое правительство Джонсона приводит в качестве образца, не предполагает корреляцию стандартов и норм, а также какого-либо влияния институтов ЕС на социально-экономическую и правовую систему Канады. Евросоюз, со своей стороны, не готово заключить с Великобританией такого рода соглашение, поскольку объём торговли товарами и услугами между сторонами несоизмеримо больший, чем у ЕС и Канады. Соответственно, и степень взаимных обязательств, по мнению Брюсселя, должна быть гораздо выше. Без регуляторного выравнивания ЕС не может предоставить широкий доступ на свои рынки. Эксперты Европейского парламента полагают [European Parliament, 2017], что Британия может использовать СЕТА как модель для создания зон свободной торговли с другими странами, но данный формат не подходит для соглашения с Брюсселем.

* * *

Определённую степень деевропеизации Британии уже достигла после официального выхода страны из ЕС. Она естественным образом будет углубляться в разных направлениях по мере расхождения интересов сторон. Ряд экспертов утверждают, что в тех областях политики, где европеизация была наиболее глубока, начальный период трансформации будет ограниченным, но в перспективе эффект деевропеизации усилится [Burns et al, 2019; Armstrong, 2018]. Действительно, пересмотр уже внедренных стандартов ЕС – это долгий и технологически сложный процесс, которые требует законодательных изменений. Ограниченный и постепенный процесс деевропеизации отвечает интересам и установкам Евросоюза. В этом случае Соединённое Королевство должно сохранить регуляторное выравнивание с ЕС, поддерживающее правила честной конкуренции, что обеспечит широкий доступ на рынок Союза. Однако британское правительство намерено провести глубо-

¹ HM Government. The Future Relationship with the EU | The UK's Approach to Negotiations. URL:

https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/868874/The_Future_Relationship_with_the_EU.pdf

кую деевропеизацию и уйти от заранее прописанных обязательств. Отказ от правил и норм ЕС позволит избежать применения даже ограниченной юрисдикции Суда ЕС, использовать собственные стандарты, изменить, если потребуется, трудовое и экологическое законодательство, правила государственной помощи и другие нормы, реализовав таким образом политические чаяния брекзитеров. Большое влияние на глубину отката могут оказать будущие соглашения Великобритании о свободной торговле с другими партнёрами, в частности, с США. Есть также вероятность, что заинтересованные в тесном сотрудничестве с Лондоном страны ЕС будут лоббировать особые для нее условия, отличающиеся от стандарта третьих стран. Однако такой подход нанесёт очевидный урон принципам и правилам функционирования Евросоюза и ЕВР.

Доступные к настоящему моменту документы показывают, что обновлённый консервативный кабинет настроен на реализацию экстремального варианта деевропеизации. Полное восстановление национального суверенитета и независимость от каких-либо правил и ценностей ЕС, к чему стремится действующее правительство, означает не только сознательный процесс деевропеизации Соединённого Королевства, но в перспективе – демонтаж существующей в нём системы норм и правил Европейского союза.

Список литературы

Бабынина Л.О. (2015) Европеизация иммиграционной политики государств-членов ЕС: особый случай Соединённого Королевства, в кн. *Миграционные проблемы в Европе и пути их решения*. Под ред. Н.Б. Кондратьевой (отв. ред.), О.Ю. Потемкиной. Доклады Института Европы № 315. Институт Европы РАН, Рус. сувенир, Москва, Россия, с. 68–79.

Бабынина Л.О. (2017) Интеграционные форматы в Европе и пределы европеизации, в кн. *Европа XXI века: новые риски и вызовы*. Под общ. ред. Ал. А. Громыко, В. П. Фёдорова. Нестор-История, Москва, Санкт-Петербург, Россия, с. 145–162.

Громогласова Е.С. (2010) Концепция европеизации в зарубежной политологии, *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*, № 4, с. 27–42.

Кавешников Н. Ю. (2015) Методы управления в Европейском союзе, *Мировая экономика и международные отношения*, № 8, с. 49–60.

Потемкина О.Ю. (2011) *Пространство свободы, безопасности и правосудия Европейского союза*. Европейский учебный институт при МГИМО(У): Гриф и К, Москва, Россия, 368 с.

References

Armstrong K. A. (2018) Regulatory alignment and divergence after Brexit, *Journal of European Public Policy*, 25 (8), pp. 1099–1117.

Aydın-Düzgüt S. & Kaliber A. (2016) Encounters with Europe in an Era of Domestic and International Turmoil: Is Turkey a De-Europeanising Candidate Country?, *South European Society and Politics*, 21:1, pp. 1–14.

Babynina L.O. (2015) Evropeizaciya immigracionnoj politiki gosudarstv-chlenov ES: osobyj sluchaj Soedinyonnogo Korolevstva, v kn. *Migracionnye problemy v Evrope i puti ih resheniya*. N.B. Kondrat'eva (otv. red.), O.Yu. Potemkina (eds.). Doklady Instituta Evropy № 315. Institut Evropy RAN, Rus. souvenir, Moscow, Russia, pp. 68–79.

Babynina L.O. (2017) Integracionnye formaty v Evrope i predely evropeizacii, in *Evropa XXI veka: novye riski i vyzovy*, Al.A. Gromyko, V.P. Fyodorov (eds.). Nestor-Istoriya, Moscow, Sankt-Petersburg, Russia, pp. 145–162.

Bickerton C. (2019) 'Parliamentary', 'popular' and 'pooled': conflicts of sovereignty in the United Kingdom's exit from the European Union, *Journal of European Integration*, Vol. 41, No. 7, pp. 887–902.

Börzel T. (2002) Member State Responses to Europeanization, *JCMS*, Vol. 40. № 2, pp. 193–2014.

- Burns Ch., Gravey V., Jordan A., Zito A. (2019) De-Europeanising or disengaging? EU environmental policy and Brexit. *Environmental Politics*, Vol. 28, No. 2, pp. 271–292.
- Copeland. P. (2016) Europeanization and de-Europeanization in UK employment policy: changing governments and shifting agendas. *Public Administration*, 94 (4), pp. 1124–1139.
- Cygan A. (2020) De-Europeanisation of UK regulatory governance and the future UK–EU trade relationship. *ERA Forum*, Vol. 20, pp. 509–529.
- European Parliament (2017) Brexit and the European Union: General Institutional and Legal Considerations. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/571404/IPOL_STU\(2017\)571404_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/571404/IPOL_STU(2017)571404_EN.pdf)
- Gravey V. and Jordan A. (2016) Does the European Union have a reverse gear? Policy dismantling in a hyper consensual polity, *Journal of European Public Policy*, 23 (8), pp. 1180–1198.
- Jordan, A., Bauer, M.W., and Green-Pedersen, C. (2013) Policy dismantling, *Journal of European Public Policy*, 20 (5), pp. 795–805.
- Gromoglasova E.S. (2010) Концепция европеизации в зарубежной политологии, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, № 4, pp. 27–42.
- Kaveshnikov N.Yu. (2015) Metody upravleniya v Evropejskom soyuze, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, № 8, pp. 49–60.
- Mair P. (2004) The Europeanization Dimension, *Journal of European Public Policy*, 11 (2), pp. 337–348.
- Potemkina O.Yu. (2011) *Prostranstvo svobody, bezopasnosti i pravosudiya Evropejskogo soyuza*. Evropejskij uchebnyj institut pri MGIMO(U): Grif i K, Moscow, Russia, 368 p.
- Raagmaa, G., Kalvet, T. and Kasesalu, R. (2014) ‘Europeanization and De-Europeanization of Estonian Regional Policy’, *European Planning Studies*, 22 (4), pp. 775–795.
- Radaelli C. (2003) ‘The Europeanization of Public Policy’, in K. Featherstone and C. M. Radaelli (eds.) *The Politics of Europeanization*, Oxford University Press? Oxford.
- Radaelli C. (2004) Europeanisation: Solution or problem? *European Integration online Papers (EIoP)* Vol. 8 (2004) N° 16. URL: <http://eiop.or.at/eiop/texte/2004-016a.htm>

De-Europeanization or Dismantling: Prospects of the EU-UK Relations

Received 10.03.2020

Author: Babynina L., Candidate in Political Science, Head of the Center for Political Integration studies, Institute of Europe RAS. **Address:** 11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** lbabynina@yandex.ru

Abstract. On January 31, 2020 the United Kingdom left the European Union. The parties have entered a transition period until the end of 2020 during which the EU and the UK will be negotiating an Agreement on the Future Relationship. However, it is unlikely that the parties will manage to conclude an agreement by this date due to the time-limited period envisaged for the negotiation of the high-level document and to the serious differences in the parties’ positions. The UK government is determined to leave the EU's Single Market and Customs Union by the 1st of January, 2021, and to terminate the validity of the EU legislation in the country, which will require revising or replacing a significant part of the laws currently applicable in the UK. Assuming the depth of future transformations, this process can be described as de-europeanization or dismantling of the existing system. The author concludes that by accepting the inevitability of de-europeanization after Brexit, the parties are interested to agree on different implementation paths. The limited and gradual process of de-europeanization with regulatory alignment is in the interests of the European Union, while the conservative UK government takes a more radical approach to departing from the EU rules and regulations.

Key words: European Union, United Kingdom, Brexit, Europeanization, de-Europeanization, trade agreement.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320200515>